

УДК 811.111

ББК 81.432.1

DOI 10.51955/2312-1327_2023_3_90

МОДУСНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ОШИБОЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

*Татьяна Ивановна Семенова,
orcid.org/0000-0002-8929-699X,
доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет,
ул. Карла Маркса, д. 1
Иркутск, 664003, Россия
tisemenova54@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждается языковая категоризация ошибочных когний, объективируемых номинациями *mistake, make a mistake, error, blunder, make a blunder, gaffe, make a gaffe, wrong, get something wrong, make a wrongdoing, wrongness*. Центральное место в изучении лингвокогнитивного феномена ошибки отводится обоснованию модусного статуса анализируемого феномена и выявлению конституирующих характеристик модусной категории ошибки. Исследуется структура, содержание и интерпретативный потенциал концепта MISTAKE как концептуальной основы модусной категории ошибки. На основе анализа эмпирического материала типа *Telling him the truth was a mistake* утверждается, что концепт MISTAKE как когнитивно сложная структура знания интегрирует репрезентацию разных типов знаний: репрезентацию знания о мире как конкретном событии (*Telling him the truth*) и интерпретацию этого знания в концептуальном мире конкретного индивида как ошибочного (*was a mistake*). Опираясь на компонентный и концептуальный анализ языковых единиц, вербализующих ошибочные действия, автор приходит к выводу о том, что интерпретирующая функция концепта MISTAKE проявляется в языковой функции отрицания, которая актуализирует отрицательную интерпретацию как способ вторичной репрезентации знаний в языке. Концептуальная характеристика концепта ОТРИЦАНИЕ в содержании модусной категории ошибки концептуализируется как 'несоответствие ожидаемому результату или цели'.

Результаты исследования могут внести вклад в дальнейшее развитие теории оценочной категоризации и могут быть использованы в создании интерпретационной модели мира как системы модусов, присущих данному социуму.

Ключевые слова: ошибка, концепт, интерпретация, модусная категория, модусная категоризация, оценочная категория, категориальный статус.

MODUS CATEGORIZATION OF ERRONEOUS COGNITIONS IN THE ENGLISH WORLDVIEW

*Tatiana I. Semenova,
orcid.org/0000-0002-8929-699X,
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Irkutsk State University,
1, Karl Marx Street
Irkutsk, 664003, Russia
tisemenova54@mail.ru*

Abstract. The study discusses linguistic categorization of erroneous cognitions verbalized by linguistic units like *mistake*, *make a mistake*, *error*, *blunder*, *make a blunder*, *gaffe*, *make a gaffe*, *wrong*, *get something wrong*, *make a wrongdoing*, *wrongness*. Of central concern in the research is the issue of the modus (interpretative) character of the concept MISTAKE that serves as the conceptual basis of the modus category of erroneous cognitions. The paper highlights the issue that the concept MISTAKE as a conceptually complex knowledge structure activates two types of knowledge representation: the primary knowledge representation of the events in the physical world (*Telling him the truth*) and the secondary evaluative representation of the knowledge once verbalized (*was a mistake*). The paper focuses on the interpretative function of negative evaluative interpretation that serves as the conceptual basis of the modus category of erroneous cognitions. The author comes to the conclusion that the modus category of erroneous cognitions serves to interpret the secondary representation of knowledge from the perspective of the negative evaluation conceptualized as ‘*an action that produces a result that is not intended*.’ The modus function of the negative evaluative interpretation serves as the conceptual basis of the modus category of erroneous cognitions. The findings obtained may be helpful for further study of the processes of evaluative interpretation and evaluative categorization as an integral part of human cognition.

Kew words: mistake, concept, interpretation, modus category, modus categorization, evaluative interpretation, categorical status

Введение

Вопрос о репрезентации языковых и неязыковых знаний в концептуальной системе человека, их типах, способах организации и языковом преломлении является центральным для всей когнитивной науки [Болдырев, 2019; Кубрякова, 2004; Кубрякова, 2012; Lee, 2004]. В процессах взаимодействия и адаптации человека к среде обитания язык как когнитивный механизм не только обеспечивает фиксацию структур знания и опыта, создание новых знаний, необходимых для реализации потребности в когниции и коммуникации, но и ещё естественным, антропоцентричным образом отражает то, как индивид осмысляет, интерпретирует мир, «и в целом показывает, что познание мира неотделимо от осознания, познания и «проявления» самого себя» [Рябцева, 2005, с. 57]. Иначе говоря, язык используется не только для осуществления коммуникативного взаимодействия, в ходе которого происходит трансфер знания, но и как средство конструирования мира при его интерпретации в вербальной коммуникации. Аксиоматичным с позиций когнитивной лингвистики является тезис о том, что концептуально освоенная реальность предстаёт в процессах языковой категоризации и концептуализации в том виде, в котором она была «пропущена через сознание» познающего субъекта [Болдырев, 2019; Кубрякова, 2004; Кубрякова, 2012; Kövecses, 2006; Langacker, 2008; Lee, 2004].

Преобразованная человеческим сознанием и объективированная в языке онтологическая реальность сложна и многогранна, грани ее неисчислимы, но познающий субъект «не всеведущ», он не может оперировать только истинным знанием, его когниции могут быть неверными, искажёнными, ложными, фейковыми, квазиистинными в силу того, что «когниция внеположена истинностному значению» [Демьянков, 1994, с. 25], она охватывает «любые формы постижения мира» [Кубрякова, 2012, с. 21]. Во всем разнообразии и многообразии когнитивной деятельности такие «дисфункциональные когниции»

являются результатом своеобразного (свойственного именно данной личности) ошибочного способа переработки информации [Демьянков, 1994, с. 25]. Исследование феномена ошибки как фрагмента языковой картины мира ставит вопросы о том, как в англоязычной картине мира вербализовано представление об ошибочных когнициях, и в каких языковых категориях закреплена роль познающего субъекта в процессах категоризации и концептуализации ошибочных ситуаций.

Включенность настоящего исследования в контекст научного осмысления связи языка и знания, форматов и способов представления этого знания в языковых формах, обуславливает его *актуальность*. Также *актуальным* является обращение к проблемам проявления субъективности в языке и ее актуализации в модусных категориях. Проблематика исследования модусности в настоящее время связана с выделением и описанием модусных категорий как особого формата знания, в котором закреплена интерпретация полученных знаний о мире в рамках индивидуальной системы оценок, норм, ценностных установок конкретного индивида [Болдырев, 2011; Болдырев, 2019; Кубрякова, 2004; Кубрякова 2012; Семенова, 2007].

Целью работы является обоснование лингвистического статуса феномена ошибки как модусной категории, концептуальной основой которой является вторичная интерпретация вербализованного знания о ситуациях в мире как ошибочных. *Объектом* лингвокогнитивного анализа являются языковые единицы, объективирующие в современном английском языке ошибку как специфическое проявление интерпретирующей активности субъекта познания.

Материалы и методы

Исследование модусной категории ошибки выполнено в рамках проблематики языковой репрезентации знания на основе методики когнитивного анализа с привлечением методов дефиниционного, концептуального, категориального анализов. В качестве эмпирического материала были привлечены художественные тексты, лексикографические источники, корпусные данные.

Анализ и результаты

Закономерности познавательных процессов в их языковом преломлении находят отражение, как убедительно аргументирует Н. Н. Болдырев, в категориальном формате языкового знания в системе лексических, грамматических и модусных категорий, посредством которых объективируется знание об онтологии трёх взаимодействующих сфер: онтологии мира, онтологии языка и онтологии сознания. Онтологическую модель мира, отражающую естественную категоризацию предметов и явлений окружающей действительности и объектов внутреннего мира человека, репрезентирует лексическая категоризация, обеспечивающая концептуальное содержание познаваемого объекта. Специфика онтологии самого языка как знание о принципах функционирования и структурной организации языковых единиц в соответствии с правилами коммуникации, закреплена в системе грамматических

категорий. С онтологией человеческого сознания, его интерпретирующей функцией, связаны модусные категории, специфика которых обусловлена их двойной ориентацией: они являются «онтологическими для человеческого сознания и гносеологическими по отношению к окружающему к миру и к миру языка» [Болдырев, 2019, с. 152].

Категориальный формат репрезентации и оперирования знаниями различной онтологии свидетельствует о взаимодействии двух базовых функций языка – когнитивной и коммуникативной, диалектическое единство которых проявляется в реальном функционировании языка. Концептуализация и категоризация как важнейшие неотъемлемые процессы когнитивного освоения разных сфер человеческого опыта неотделимыми от интерпретации, которая, в широком смысле, заложена в самой системе языка и сопровождает все познавательные процессы и способы получения, формирования, переработки и интерпретации знаний [Болдырев, 2019, с. 252-254]. Интерпретативная сущность когнитивной деятельности на всех ее уровнях даёт основание утверждать, что «когниция и интерпретация рядоположены» [Демьянков, 1994, с. 27]. Интерпретирующий характер познавательных процессов сопряжен с креативной природой речемыслительной деятельности человека, которая реализуется с опорой на когнитивные механизмы сдвига фокуса внимания, фреймовой организации знания, метафорического и метонимического когнитивного моделирования [Болдырев, 2019; Кубрякова, 2004; Kövecses, 2006; Langacker, 2008; Lee, 2004]. Интерпретационный потенциал как конституирующая характеристика процессов категоризации и концептуализации послужил основополагающим фактором для выделения Н. Н. Болдыревым ещё одной базовой функции языка – интерпретирующей [Болдырев, 2011].

Мысль о важности научного осмысления интерпретационного аспекта языкового оперирования знанием прослеживается в предшествующих лингвистических, лингво-философских, когнитивных контекстах. Так, в лингво-философских воззрениях А. Ф. Лосева утверждается, что язык, как «специально человеческое явление» [Лосев, 1981, 408], должен изучаться антропологически, в контексте человека и его мира. Постулируя творческий характер человеческого отражения действительности, учёный обосновывает интерпретативно-смысловую валентность языка, позволяющую находить в языке «в качестве самых главных именно интерпретирующие функции» [Лосев, 1981, с. 409]. Ключевая идея о том, что концептуальная организация опыта носит интерпретирующий характер, представлена в лингвистической концепции У. Л. Чейфа. В ходе анализа порождения и экспликации суждения учёный-лингвист приходит к выводу о том, что интерпретирующая природа присуща не только восприятию, но и процессам вербализации, пропозиционализации и категоризации [Чейф, 1983, с. 36-39]. В логико-философской концепции языка Р. И. Павилениса постулируется значимое положение о том, что смыслы порождаются по ходу интерпретации мира, и эти смыслы возникают на основе того, «что индивид думает, воображает, представляет, знает об объектах мира» [Павиленис, 1983, с. 280]. Однако методологическое обоснование значимости интерпретирующей функции языка стало возможным в рамках общей теории

репрезентации и оперирования знанием в языке, разработанной Н. Н. Болдыревым [Болдырев, 2011; Болдырев, 2019].

В системе языковой репрезентации мира и знаний о мире в зависимости от объекта, средств и целей интерпретации Н. Н. Болдырев выделяет два типа языковой интерпретации: первичную языковую интерпретацию как коллективное знание о мире и вторичную как языковую интерпретацию знания о мире конкретного индивида. Первичная интерпретация проявляется в естественной языковой категоризации объектов, событий, явлений окружающего мира. Результатом вторичной интерпретации является новое знание, связанное с осмыслением, оценкой, выделением квалификативных характеристик уже вербализованного в процессе первичной интерпретации объекта [Болдырев, 2019, с. 259-261].

Концепция взаимодействия первичной и вторичной языковой интерпретации может быть экстраполирована на объяснение когнитивных оснований языковой репрезентации ошибочных когниций, ср.: *Hesitating, I lowered the gun. That was a mistake. The slight movement must have caught Eddy's eyes. I heard the bang of the gun and saw the flash* [Chase, 2003, с. 302]. В примере выше описывается ситуация разбойного нападения, в которой персонаж, пытаясь защищаться, опускает руку с пистолетом, направленным на грабителя, который, замечая это действие, стреляет в ответ. На уровне пропозиционального содержания представлена первичная интерпретация / категоризация конкретного физического действия, которое вербализуется пропозицией *I lowered the gun*, и это первичное знание подвергается вторичной интерпретации как ошибочное, объективируемое оценочной пропозицией *That was a mistake*. Субъект оценивает собственное действие как ошибочное на том основании, что результат действия не соответствует замыслу остаться незамеченным, а наоборот, приводит к нежелательным последствиям. Первичное знание о событии подвергается также инференции как когнитивной операции логического вывода о том, что движение рукой, должно быть, привлекло внимание грабителя: *The slight movement must have caught Eddy's eyes*. Выводное знание актуализируется эпистемическим значением глагола *must*. Как явствует из анализа языкового материала, языковая категоризация ошибочных ситуаций объективирует когнитивно сложную структуру знания, в которой знание о мире как первичная категоризация ситуации реального мира, подвергается вторичной интерпретации в ракурсе взглядов, оценок, ценностных установок конкретного индивида. Таким образом, вышеприведённый анализ текстового фрагмента в ракурсе языковой репрезентации знания высвечивает взаимодействие первичной, объективной языковой интерпретации / категоризации события и его вторичной, субъективной языковой интерпретации / категоризации в концептуальном мире конкретного индивида. Именно вторичная интерпретация формирует концептуальную основу модусных категорий [Болдырев, 2019, с. 401].

Опираясь на концептуально-категориальный анализ эмпирического материала, считаем возможным обосновать тезис о том, что в интерпретационной модели мира определённое место занимает и модель категоризации ошибочных действий как модусная категория. В исследовании

языковых категорий постулируется, что концептуальной основой языковой категории выступает одноименный концепт как структура знания, детерминирующая структуру, содержание, принципы формирования и развитие соответствующей категории [Болдырев, 2011; Болдырев, 2019; Борисенко, 2022; Кубрякова, 2004; Lakoff, 1987]. В функциональной типологии концептов, отражающей тернарную систему оперирования знанием в языке (знание о мире – знание о языке – интерпретация знания о мире) выделяется тип интерпретирующих (модусных) концептов [Болдырев, 2019, с. 60], реализующих конкретную языковую функцию, которая и структурирует модусный концепт. Спецификой модусных концептов является их внутриязыковая природа, это значит, что порождаемые в сознании человека модусные смыслы, объективируемые с помощью языка, не имеют реальных соответствий в окружающем мире. Модусные концепты «возникают как определённая реакция человека на окружающий мир предметов и событий» [Болдырев, 2019, с. 265]. К типу модусных концептов можно отнести и концепт MISTAKE, ориентированный, как было отмечено выше, на вторичную языковую интерпретацию уже полученного знания о действии, поступке как ошибочном. Функциональный характер интерпретирующего концепта MISTAKE выступает концептуальной основой формирования модусной категории ошибки.

Чтобы выявить содержание интерпретирующей функции категориального концепта MISTAKE, необходимо обратиться к словарным толкованиям языковых единиц, объективирующих релевантные признаки коллективного знания об ошибке в англоязычной картине мира. Средством языковой репрезентации концепта выступают глаголы и производные от них существительные, прилагательные, устойчивые словосочетания, в семантике которых объективируется знание о человеческих ошибках: *mistake, make a mistake, error, make an error, erroneous, bloomer, blunder, make a blunder, fallacy, fault, commit a faux pas, flaw, flub, gaffe, make a gaffe, inaccuracy, lapse, miss, muddle, overestimation, oversight, slip, make a slip, go wrong, get something wrong, make a wrongdoing, wrongness*. Репрезентативный характер номинаций свидетельствует о значимости ошибочных когниций в широком диапазоне познавательных процессов. Доминантой представленного выше синонимического ряда является лексема *mistake* как слово-идентификатор анализируемого концепта, которая целиком входит в значение всех остальных элементов ряда, ср: *error – a **mistake** or inaccuracy; blunder – a stupid or careless **mistake**; gaffe – a remark or action that is a social **mistake**; faux pas – a significant or embarrassing error or **mistake*** [MEDAL, s.a.]. Лексическое значение слова *mistake* закреплено в следующих словарных толкованиях: *something that you have not done **correctly** or something that you say or think is **not correct*** [MEDAL, s.a.], *an action or decision that is **wrong** or produces a result that is **not correct** or **not intended** or you **didn't want*** [LLA, 1997]. Как явствует из дефиниций, в содержании лексемы *mistake* отражается концептуальная двойственность концепта MISTAKE, которая проявляется в оперировании разными типами знаний, то есть, репрезентация знания о мире (*something that you say or think, something done*) совмещается с интерпретацией этого знания как неправильного, нежелательного

(*not correct, incorrect, wrong*) в концептуальном мире конкретного индивида. Важно отметить, что семантика номинаций ошибочных действий ориентирована не на отражение реалий окружающего мира, а на их интерпретацию субъектом как ошибочных.

Обоснование содержания интерпретирующей функции концепта MISTAKE требует обращения к специфике предикатов ошибочных действий, которые входят в лексико-семантический класс предикатов интерпретации [Апресян, 2004]. Особенность семантики таких предикатов заключается в том, что они не обозначают никакого конкретного действия, они описывают оценочную интерпретацию ситуации, а не ее денотативное содержание [Апресян, 2004; Зализняк, 2006; Золотова и др., 2004; Кустова, 2004]. Предикат *ошибаться* трактуется как «денотативно пустой» [Кустова, 2004] на основании того, что действие, подвергаемое интерпретации как ошибочное, не идентифицируется в словарных дефинициях, о чем свидетельствуют неопределённые местоимения, которые оставляют невыявленным представление о содержании конкретного действия, ср.: *you do something; something that you say or think; something done wrongly* [LLA, 1997]. В содержании словарных толкований фиксируются лишь тематические классы глаголов, обозначающие физические, ментальные, речевые действия *something that you say or think, something you do that has a bad result* [MEDAL, s.a.]. Это указывает на то, что в содержании концепта MISTAKE признак ‘конкретное действие, подвергаемое интерпретации’, имеет презумптивный статус, а интерпретативный компонент входит в ассертивную часть значения, именно он формирует модусную рамку «говорящий считает, что ...» [Новый объяснительный словарь..., 2004], имплицитную субъекта и его субъективную интерпретацию концептуального содержания. Так, в примере ниже представлена интерпретация действий врачей как ошибочных, однако, конкретное содержание действий, которые, по мнению субъекта (Rose), привели к ухудшению ее состояния, не идентифицируется, ср.: *Because she was physically worse after the operation than before it, Rose was convinced that the doctors had made a mistake, and for a long time she wanted to sue them* [Cheever, 2003, с. 45]. В описываемой ситуации говорящий «как носитель презумпции» [Падучева, 2004, с. 545] не конкретизирует содержание интерпретируемого действия, он «замещает факт его явной интерпретацией» [Рябцева, 2005, с. 430]. Вторичная интерпретация в данном случае формирует «косвенную номинацию ситуации» [Зализняк, 2006, с. 545].

Зависимость от первичного знания, которое подвергается интерпретации, обуславливает вторичный статус модусных концептов [Болдырев, 2019 с. 264-265]. Вторичный статус концепта MISTAKE проявляется на синтаксическом уровне в совмещении денотативной ситуации и ее оценочной категоризации, ср.: *His worst mistake lay in thinking that all his workers were trustworthy* [BNC, s.a.]. В данной ситуации объектом интерпретации выступает мнение о благонадежности всех сотрудников как ошибочное. В следующем примере представлена ситуация ошибочного мнения со стороны родителей о виновности няни (Mrs. Emerson) в получении ребёнком травмы: *“What about Mrs. Emerson?” Katherine asked. It was a mistake to think that she would hurt the child* [Cheever, 2003, с. 205].

Возвращаясь к реализации интерпретирующей функции концепта MISTAKE, отметим, что интерпретативный компонент в семантике языковых единиц, вербализующих ошибочные действия, представлен отрицательными, оценочными по своей сути, смыслами. Концептуальная отрицательная характеристика в содержании концепта MISTAKE эксплицируется отрицательными частицами (*not correct, not intended*), отрицательными префиксами (*incorrect, unwanted, unintentional*), а также передаётся лексической семантикой слов в словарных дефинициях, ср.: *wrong – not correct, not suitable or desirable, or not as it should be* [MEDAL, s.a.]. Из этих языковых фактов следует вывод о том, что концептуальным основанием категориального концепта MISTAKE является языковая функция отрицания, которая, как акцентирует Н. Н. Болдырев, с помощью языковых средств актуализирует отрицательную интерпретацию «как отдельный способ вторичной репрезентации знаний в языке» [Болдырев, 2019, с. 401]. Аргументируя функцию отрицания в формировании модусного концепта MISTAKE, подчеркнем, что в когнитивной модели осмысления ошибочных когниций закреплено стереотипное знание о несоответствии цели и результата. Так, в частности, В. М. Труб отмечает, что любая ошибочная деятельность может быть проинтерпретирована универсальной формулой отрицания ‘не Р, а Q’, где элемент Р соответствует ожидаемому правильному действию, а Q – тому, которое было предпринято вместо Р [Труб, 2008, с. 431].

Функциональную специфику концепта ОТРИЦАНИЕ Н. Н. Болдырев определяет в совокупности таких содержательных характеристик, как *отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция* [Болдырев, 2019, с. 408]. Наличие в семантике предикатов ошибки интерпретативного компонента, квалифицирующего действие как неправильное, позволяет выделить в качестве содержательной характеристики концепта MISTAKE концептуальную характеристику *несоответствие*, посредством которой интерпретируется знание о первичной ситуации как ‘несоответствие ожидаемому результату, цели’. Концептуальная характеристика *несоответствие* коррелирует с понятием нормы. Для нашего исследования лингвистическую значимость имеет один из критериев нормативной оценки, который Н. Д. Арутюнова определяет как направленность на достижение определённой цели, выполнение некоторой функции, соответствие тому или иному стандарту [Арутюнова, 1999, с. 200]. В отношении действий человека за норму принимается то, «что приносит наибольший положительный эффект, является благом (в утилитарном смысле) для человека» [Шатуновский, 1996, с. 128]. Из вышесказанного следует, что признак *несоответствие* интерпретирует знание об определённой ситуации как несоответствие ожидаемому, намеченному результату, цели или замыслу. Отрицательная концептуальная характеристика ‘несоответствие ожидаемому, намеченному, желательному результату или цели’ закреплена в дефиниции как *a result that is not correct or not intended or you didn't want* [LLA, 1997].

В осмыслении когнитивной природы ошибочных когниций значимым концептуальным признаком является ментальная природа ошибки, в том смысле,

что эпистемическое состояние человека в момент выполнения действия характеризуется как *незнание* о том, что он совершает ошибку. Иначе говоря, совершая то или иное действие с намеренным результатом, человек думает, что поступает правильно. Природа ментальной деятельности такова, что человек «не волен в своих мыслях, он не может нарочно думать правильно или неправильно» [Шатуновский, 1996, с. 126]. Ошибку, как уточняет Г. И. Кустова, нельзя запланировать, ее нельзя совершить сознательно, намеренно [Кустова, 2004, с. 233]. Именно неумышленность ошибки отличает ее от таких дисфункциональных когний, как *ложь, нарушение, дезинформация*. О непреднамеренном характере ошибки свидетельствует дефиниция *something incorrect that you do or say **without intending to*** [LLA, 1997], которая профилирует отсутствие у субъекта намерения ошибиться.

Еще одним релевантным признаком в языковом представлении знания об ошибке является ее ретроспективный характер, осознание ошибки «всегда ретроспективно» [Кустова, 2004, с. 234]. Из этого следует, что конкретные действия, служащие основанием интерпретации и квалификации как ошибочные, «представляются как уже совершенные кем-то даже в референции к моменту речи» [Апресян, 2004, с. 5]. Ретроспективная интерпретация ошибки закреплена в толкованиях через идею уже совершенного действия: ***something done, said, believed as a result of wrong understanding*** [LLA, 1997]. В дискурсивной репрезентации ситуаций ошибки ретроспективное осознание ошибочности действий, их последствий, эксплицируется пропозициональными глаголами ментальных действий и состояний, подчиняющими пропозицию, в которой таксисная семантика предшествования маркируется видо-временной формой Past Perfect, ср.: *I **realized** too late that I **had made** a big mistake* [Cheever, 2003, с. 58]; *Then I **knew** I **had made** a dangerous mistake hitting him* [Chase, 2003, с. 224].

Ретроспективная рефлексия над ошибкой сопровождается инференционной интерпретацией нежелательных последствий, логическими умозаключениями о том, что надо было бы сделать для достижения намеченной цели. Так, в следующем примере описывается ситуации, в которой персонажу надо скрыть своё пребывание в отеле, в котором произошло убийство, и поэтому он квалифицирует свой утренний разговор с портье и букмекером как ошибочный, делая вывод о том, что они наверняка его запомнили и могут сообщать следователю о его присутствии в отеле в момент убийства, ср.: *And just this very morning there was the bellboy. I had made my first **mistake** there. He would remember me. And the bookie in the hotel. **Mistake number two*** [Shaw, 2005, с. 54].

Таким образом, структурно-содержательную специфику концепта MISTAKE формируют следующие концептуальные признаки: ‘презумптивный статус интерпретируемого действия’, ‘отрицательная оценка результата’, ‘несоответствие ожидаемому результату или цели’, ‘ретроспективная интерпретация’, ‘незнание человека о том, что поступает неправильно’. Модусный концепт MISTAKE как концептуальная основа модусной категории ошибки определяет ее сущностные характеристики, общие для всех категорий модусного типа, а именно: внутриязыковая природа, вторичный статус, инферентность. Модусная категория ошибки характеризуется *содержательной*

релятивностью, поскольку в реальном мире не существуют «объективно» неправильные действия, поступки, они интерпретируются как ошибочные, несоответствующие цели, только в рамках конкретного содержания и только с помощью языка, что подтверждает внутриязыковую природу модусной категории ошибки. Формирование отрицательного смысла ‘несоответствие ожидаемому результату или цели’ базируется на интерпретируемом концепте, который входит в презумптивную часть содержания концепта MISTAKE. Специфика модусных категорий заключается в том, что, они «не существуют отдельно от концептуальных областей их определения, представляя вместе с ними единое знание» [Болдырев, 2019, с. 406]. В интерпретационной модели мира модусная категория ошибки синкретично совмещает онтологическую характеристику как первичную категоризацию знания о ситуации действительности и гносеологическую характеристику как вторичную, отрицательную оценочную интерпретацию уже вербализированной ситуации.

Заключение

Итак, в ходе проведенного исследования обоснован лингвистический статус феномена ошибки как модусной категории, концептуальной основой которой выступает концепт MISTAKE и его интерпретирующая функция. Содержанием интерпретирующей функции модусной категории ошибки выступает отрицательная интерпретация как способ вторичной репрезентации знания, которая концептуализируется как ‘несоответствие ожидаемому результату или цели’. Дальнейшая перспектива исследования модусной категории ошибки видится в субкатегоризации ошибочных действий, как, например, ошибочное восприятие, ошибочное мнение, референциальная ошибка. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее развитие теории оценочной интерпретации и в создание интерпретационной модели мира как системы модусов, присущих данному социуму.

Библиографический список

- Апресян Ю. Д.* Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1(7). С. 5-22. EDN NYZTBD.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с. EDN YLAWAR.
- Болдырев Н. Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33(248). С. 11-16. EDN OZMWHТ.
- Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е издание. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с. EDN OXLIYG.
- Борисенко Т. В.* Организация структуры концептуальной категории // Казанский лингвистический журнал. 2022. Т. 5, № 4. С. 523-534. DOI 10.26907/2658-3321.2022.5.4.523-534. EDN PKDFZN.
- Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С.17-33. EDN SCKGRB.
- Зализняк А. А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 671 с. EDN SMRRBT.

- Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. 544 с. EDN QCRAZY.
- Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования: Авторский сборник статей. М.: Фирма Знак, 2012. 203 с. EDN RFKRHN.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 556 с. EDN SUQH1P.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с. EDN RAZWAF.
- Лосев А. Ф. О понятии языковой валентности // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 5. С. 403-412.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева [и др.]. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва; Вена: Языки славянской культуры, 2004. 1488 с. EDN PXXUNF.
- Павленко Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики: монография. М.: Языки славянской культуры, 2004. 609 с. EDN PAXMHJ.
- Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 639 с. EDN QRMSYH.
- Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 237 с. EDN RUGBRN.
- Труб В. М. О разнообразных типах отклонения от истины (шутка, ошибка, сенсорные девиации, умолчание) // Логический анализ языка: между ложью и фантазией. М.: Индик, 2008. С. 426 -441.
- Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 35-73.
- Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Языки русской культуры, 1996. 400 с.
- BNC – British National Corpus [Электронный ресурс] // Британский национальный корпус [сайт]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 13.04.2023).
- Chase H. C. Come easy – Go easy. М.: Айрис-пресс, 2003. 384с.
- Cheever J. Selected Prose. М.: Изд-во «Менеджер», 2003. 304 с.
- Kövecses Z. Language, Mind and Culture. Oxford, 2006. 397 p.
- Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987. 614 p.
- Langacker R. W. Cognitive Grammar. New York: Oxford University Press, 2008. 562 p.
- Lee D. Cognitive Linguistics: An Introduction. Oxford, New York: OUP, 2004. 223 p.
- LLA – Longman Language Activator. Harlow: Longman Group UK Limited, 1997. 1587 p.
- MEDAL – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 08.10.2022).
- Shaw I. Nightwork. СПб.: Антология, КАРО, 2005. 448 с.

References

- Apresyan Yu. D. (2004). Interpretatsionnye glagoly: semanticheskaya struktura i svoistva. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2004. 1(7): 5-22. (in Russian)
- Apresyan Yu. D., Apresyan V. Yu., Babaeva E. E. [et al]. (2004). Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow; Vena: *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, 2004. 1488 p. (in Russian)
- Arutyunova N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 896 p. (in Russian)
- BNC – British National Corpus. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (accessed 13 April 2023).

- Boldyrev N. N. (2011). Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 33(248): 11-16. (in Russian)
- Boldyrev N. N. (2019). Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka. Moscow: Izdatel'skii Dom YASK, 2019. 480 p. (in Russian)
- Borisenko T. V. (2022). Organizatsiya struktury kontseptual'noi kategorii. *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. 5(4): 523–534. (in Russian)
- Chase H. S. (2003). Come easy – Go easy. Moscow: Airis-press, 2003. 384 p.
- Cheever J. (2003). Selected Prose. Moscow: Izd-vo «MenedzheR», 2003. 304 p.
- Cheif U. L. (1983). Pamyat' i verbalizatsiya proshlogo opyta. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XII. Prikladnaya lingvistika*. 35-73. (in Russian)
- Dem'yankov V. Z. (1994). Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda. *Voprosy yazykoznaniya*. 4: 17-33. (in Russian)
- Kövecses Z. (2006). Language, Mind and Culture. Oxford, 2006. 397 p.
- Kubryakova E. S. (2004). Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. Moscow: *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, 2004. 556 p. (in Russian)
- Kubryakova E. S. (2012). V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya. Moscow: *Znak*, 2012. 203 p. (in Russian)
- Kustova G. I. (2004). Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya. Moscow: *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, 2004. 472 p. (in Russian)
- Lakoff G. (1987). Women, Fire and Dangerous Things. Chicago and London: *The University of Chicago Press*, 1987. 614 p.
- Langacker R. W. (2008). Cognitive Grammar. New York: *Oxford University Press*, 2008. 562 p.
- Lee D. (2004). Cognitive Linguistics: An Introduction. Oxford, New York: *OUP*, 2004. 223 p.
- LLA – Longman Language Activator. Harlow: Longman Group UK Limited, 1997. 1587 p.
- Losev A. F. (1981). O ponyatii yazykovoi valentnosti. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 40(5): 403-412. (in Russian)
- MEDAL – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Available at: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed 08 October 2022).
- Paducheva E. V. (2004). Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. Moscow: *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, 2004. 609 p. (in Russian)
- Pavlenis R. I. (1983). Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskii analiz yazyka. Moscow: *Mysl'*, 1983. 286 p. (in Russian)
- Ryabtseva N. K. (2005). Yazyk i estestvennyi intellekt. Moscow: *Academia*, 2005. 639 p. (in Russian)
- Semenova T. I. (2007). Lingvisticheskii fenomen kazhimosti: monografiya. Irkutsk: *IGLU*, 2007. 237 p. (in Russian)
- Shatunovskii I. B. (1996). Semantika predlozheniya i nereferentnye slova (znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika). Moscow: *Yazyki russkoi kul'tury*, 1996. 400 p. (in Russian)
- Shaw I. (2005). Nightwork. Saint Petersburg: *Antologiya, KARO*, 2005. 448 p.
- Trub V. M. (2003). O raznoobraznykh tipakh otkloneniya ot istiny (shutka, oshibka, sensornye devyatsii, umolchanie). *Mezhdue lozh'yu i fantaziei*. 426-441. (in Russian)
- Zaliznyak A. A. (2006). Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya. Moscow: *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, 2006. 671 p. (in Russian)
- Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. (2004). Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. 2-e izd. Moscow: *IRYA RAN: MGU*, 2004. 544 p. (in Russian)